

Слабость евразийского движения была обусловлена и тем, что их теория не была подтверждена практикой, не было условий для ее реализации в реальной жизни. В условиях Русского Зарубежья это было не возможно, а путь в Россию для большинства евразийцев был закрыт. Осуществление на практике евразийских идей возможно было только в СССР, но в советской стране, построенной на марксистско-ленинских принципах, не было места евразийству. ВКП(б), Советская власть, за исключением ГПУ, были равнодушны к творческим изысканиям евразийцев.

Историческое значение евразийства состоит в том, что его лидерам была небезразлична судьба покинутого Отечества, что они вникали в «живые и острые вопросы творимого дня». Идея Евразии была для них священным догматом и источником вдохновения, способствовала превращению утопических элементов в реальность. Конечно, на формирование идеологии евразийства оказало влияние отсутствие полноценной статистической и аналитической информации «из первых рук» о жизни в СССР для обоснованных выводов о советской действительности, но это не обедняло их фантазирование, предчувствия и прогнозы.

Заслуга евразийцев заключается в создании русской национальной геополитической школы. Евразийская геополитическая доктрина противостоит коммунистической концепции международных отношений, западного либерализма, а так же современной американской доктрине глобализма. А. Дугин пишет: «евразийцы сформулировали в общих чертах модель русской утопии, причем сочетающей в себе, как резюме, консервативные славянофильские и народнические чаяния, так и футуристические и мобилизационные авангардные мотивы. Эта евразийская утопия объединяла в себе критический реализм, строгое знание об экономико-технической и промышленной стороне реальности с предельным идеалистическим, духовным напряжением» [2, с. 448–449].

Идеи евразийства, связанные с сохранением целостности многонациональной России, раскинувшейся на двух континентах, весьма актуальны в нынешних условиях патологии суверенизации и сепаратизма, разгула звериного национализма и русофобии, охватившей национальные республики Российской Федерации в 1990-х гг. Идеи евразийства вписываются в проблемы поиска нового союза независимых государств Европы и Азии вместо распавшегося СССР.

Список литературы

1. Дугин А. Г. Евразийский триумф. Послесловие / А. Г. Дугин // Петр Савицкий. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 8–12.
2. Дугин А. Г. О евразийстве / А. Г. Дугин // Петр Савицкий. Континент Евразия. – М., 1997. – С. 433–453.
3. Евразийство (Опыт систематического изложения). – Париж, 1926. – 126 с.
4. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. – М., 1999. – 776 с.
5. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М., 1997. – 464 с.
6. Сендеров В. А. Неевразийство: реальность, опасности, перспективы / В. А. Сендеров // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 23–36.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СУБСТАНЦИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЙ ТЕОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ФЕНОМЕНА МОТИВАЦИИ

Е.В. Гайнутдинова
(Россия, Астрахань)

Цель исследования состоит в том, чтобы провести социально-философский анализ феномена «мотивации» и мотивационных механизмов именно с учетом авторитетных подходов и позиций, существующих в социально-гуманитарной области знаний. Подобный сравнительный анализ позволяет проследить линии развития представлений о мотивации и определить точки пересечения существующих концепций, чтобы дать методологическое обоснование концептуальной модели мотивации. Кроме того, уникальность субстанционально-деятельностного подхода состоит именно в поиске фундаментальных смыслов в исследовании мотивации, оп-

ределении более глубинных закономерностей причинно-следственных связей в деятельности, а именно: 1) соотношение потребностей и мотивов, как выяснение природного характера мотивации; 2) психологические аспекты мотивации, связь между потребностями и поступками, вплоть до индивидуального уровня.

The aim of the research is to make the social-philosophical analysis of the motivation phenomenon and motivation mechanisms, to be exact, with the help of authoritative approaches and positions which exist in social-humane field of knowledge. Such detail comparative analysis lets follow the lines of conception development about motivation and determine the points of crossing of the existing conceptions in order to give the methodological explanation of the conceptual motivation model. Besides, the uniqueness of the substantial-active approach is, to be exact, in the seeking of fundamental meanings in the motivation research, definition the deeper regularities of reasonal-consecutive links in the activity, exactly: 1) coorelations of needs and motives as the identification of the natural motivation character; 2) psychological motivation aspects, the relation between needs and actions, up to the individual level.

Ключевые слова: мотивация, потребность, потребление, субстанционально-деятельностный подход.

Key words: motive, need, consumption, substantial-qualifying achievement.

Изучение мотивационных механизмов, детерминирующих деятельность человека, вновь обретает свою актуальность в русле тех проблем, которые существуют в современном обществе. Сложность в изучении мотивационных механизмов заключается в том, что в настоящее время существует огромное количество различных подходов к определению и изложению сути как самой мотивации, так и отдельных ее структурных элементов.

Мотивацию в последние годы активно изучают в русле психологии, менеджмента, маркетинга. Если раньше это были отдельные исследования, посвященные изучению сознания в деятельности (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм, А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн), либо отдельных механизмов, детерминирующих деятельность субъектов: потребности, мотивы, цели, стимулы и т.д. (А. Маслоу, Ж. Бодрийяр, Е. Клингер, Д.М. Басс, К. Обуховский; В.И. Иванников, С.Б. Каверин). Однако сейчас ситуация несколько изменилась и изучение мотивации в психологии все больше приобретает фундаментальный характер и адаптацию концепций к проблемам современности (Ж. Нюттена, Р. Эммонс, Д.А. Леонтьев, Е.П. Ильин).

Подобный интерес психологии к мотивации вызван повышенным вниманием российской бизнес-общественности к европейским моделям организации трудового процесса с учетом человеческого фактора, согласно которым морально-психологический климат в коллективе играет не меньшую, а зачастую, и первостепенную роль в повышении производительности труда. В связи с этим в последнее время исследование проблемы мотивации, либо отдельных ее механизмов (потребность, цель, мотив, воля) активно осуществляется в русле так называемого «гуманистического менеджмента», который формирует свои концепции на методологии социологии, психологии, философии. Причина популярности мотивационных концепций, создаваемых в русле данного направления, заключается в том, что они практически адаптируют свои теоретические предпосылки научных изысканий к конкретным рабочим ситуациям.

Однако проблема психологического подхода к анализу потребности и структуры мотивации заключается в том, что, имея возможность осуществления экспериментальных исследований, не формирует единую базовую методологию относительно изучения деятельности как целостного механизма, а это, в свою очередь, субъективизирует результаты проводимых экспериментов.

Цель моего исследования состоит в том, чтобы провести социально-философский анализ феномена «мотивации» и мотивационных механизмов именно с учетом авторитетных подходов и позиций, существующих в социально-гуманитарной области знаний. Подобный сравнительный анализ позволяет проследить линии развития представлений о мотивации и определить точки пересечения существующих концепций, чтобы дать методологическое обоснование концептуальной модели мотивации.

Необходимость в такого рода исследовании вызвана тем, что к истории развития представлений о мотивации современные ученые, занимающиеся данной проблемой,

подходят избирательно. Например, психолог Д.А. Леонтьев, осуществляя исследования мотивации, историю вопроса начинает рассматривать с концепций, созданных в начале XX столетия, т.е. с периода зарождения психологии как самостоятельной дисциплины, и ряд философских работ, подверженных его анализу, были указаны постольку, поскольку написаны на стыке психологии и философии [13, с. 5–8]. В результате выходит так, что до XX столетия вопрос о мотивации не поднимался, тогда как и понятие мотивации зародилось в русле философского знания благодаря Шопенгауэру и многое из тех теорий, что были представлены в русле философии, получили новое прочтение и прикладное обоснование в современной психологии. В частности, это касается экзистенциальной философии, которая обратила на человека внимание как на личность, поднимала вопрос о свободе воли, целеполагании, выборе и т.д. Если обратиться к исследованиям мотивации психолога Е.П. Ильина, он в отличие от Д.А. Леонтьева, обращается к философским источникам прошлого, начиная с периода античности, но данный анализ носит избирательный характер, поскольку основное внимание ученого также уделяется рассмотрению психологических концепций второй половины XX в. При этом Е.П. Ильин признает, что подходы, разрабатываемые философами и социологами, ближе к пониманию проблемы, в особенности связанные с мнением об отражении субъектом возникшего противоречия между необходимым и наличным, однако, обвиняет философов и социологов в абстрактности рассмотрения сущности вопроса как о потребностях, так и мотивации в целом [5, с. 28–29]. Видимо, проблема заключается в другом, что нет целостного представления о философских исследованиях не только потребностей, но и мотивации в целом, и, кроме того, обнаруживается разница в исследовательских методах, поскольку философские концепции рассчитаны на результат в перспективе, а психология на результат здесь и сейчас. Кроме того, уникальность субстанционально-деятельностного подхода состоит именно в поиске фундаментальных смыслов в исследовании мотивации, определении более глубоких закономерностей причинно-следственных связей в деятельности, а именно: 1) соотношение потребностей и мотивов, как выяснение природного характера мотивации; 2) психологические аспекты мотивации, связь между потребностями и поступками, вплоть до индивидуального уровня, что в понимании представителей прикладных наук и есть абстракция. Тогда как со стороны философского подхода эмпирические исследования являются зачастую отображением одной из сторон общей проблемы, что нередко наблюдается в психологии и социологии. Любое эмпирическое изучение мотивации предполагает восхождение от абстрактного к конкретному.

С точки зрения деятельностного подхода в социально-философской теории мотивация является одной из стадий развития деятельности, где формируется ее информационная программа, определяемая сознательной целепостановкой и вариантами ее реализации. Для того, чтобы выявить специфику функционирования информационных механизмов, необходимо обратиться к анализу сознания и различных подходов к определению роли сознания в человеческой деятельности. Это позволит представить наиболее объективную позицию относительно структуры мотивации и границы действия информационных механизмов.

Полемике относительно роли сознания в человеческой деятельности изначально присуща крайняя категоричность, обнаруживающаяся в противостоянии идеализма и материализма, первые из которых утверждали, что единственным источником человеческих действий и всей общественной жизни является сознание индивида (С.Л. Франк, П.А. Сорокин); сторонники второй точки зрения утверждали препопентность материальных явлений перед сознанием (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин). На современном этапе развития социально-философской мысли отмечается особенность многих философов абсолютизировать данные психологических и социологических концепций, что было связано со сложным и противоречивым характером развития наук о человеке, прежде всего психологии. Это повлияло, согласно позиции Л.П. Буевой, на то, что роль интуиции, воли, чувств, бессознательных побуждений, так и рационализация психической жизни человека были взяты «в отрыве от реальной предметно-практической деятельности и конкретно-исторических форм общественных отношений, в которых протекает деятельность индивидов...» [2, с. 25].

В качестве определенной альтернативы данным противоречиям выступает деятельностный подход, утверждающий и продолжающий материалистическую позицию, но устанавливая в качестве материального детерминанта деятельности не вещественные предметы, а то отношение, которое складывается относительно этих предметов, источником которого и выступает потребность. При этом не принижается роль сознания в деятельности, не только отображающего потребности и осуществляющего стадию целеполагания, но и определяющего возможность варьирования потребностей по степени значимости. В данном контексте приоритетным считается исследование К.Х. Момджяна, который определяет «единственным признаком материальности, в соответствии с такой точкой зрения, существование вне человеческого сознания, которое есть чистая идеальность, лишенная не только субстратности вещей, но и определенности их свойств и отношений» [9, с. 257].

Наряду с этим, категория «материальное» понимается следующим образом: 1) «материальное» (материя) не локализовано в одной лишь вещной предметности. В концепции Маркса материальными являются и общественные отношения; 2) помимо общественных отношений, «материальное» локализуется также в области системы объективно-необходимых потребностей. Тем самым потребности выступают как основание системы детерминант в деятельности субъекта.

Несмотря на значительную роль сознания в человеческой деятельности, неправомерно утверждать, как это делают многие авторитетные ученые, что первопричиной человеческой деятельности выступают состояния сознания, поскольку эти состояния также имеют свою причину, которой являются потребности. По сути, различные состояния отображают, «иллюстрируют» то, в чем мы нуждаемся. Как отмечает К.Х. Момджян, «информационные программы социального поведения не самоцельны, но являются, в конечном счете, средством самосохранения – объективного императива человеческого существования в природной и социокультурной среде» [9, с. 266], что, в свою очередь, определяет информационным свойством человеческой деятельности целенаправленность.

В итоге можно предположить, что одна и та же потребность может иметь разные линии удовлетворения, которые формируются и получают свое развитие на уровне мотивационной стадии деятельностного процесса. Фактически, субъект в своей деятельности ориентируется, в большей степени, на механизм развития потребности, а не на потребность как таковую.

В связи с этим сознание активно участвует в мотивации поведения субъекта, осуществляя конкретную целепостановку и варианты ее реализации. Удовлетворение потребности всякий раз оказывается существенно связанным с особенностями их осмысления. Мотивационная стадия развития деятельности, на первый взгляд, достаточно субъективна, но по сути системна и имеет в себе объективные причины формирования того или иного поведения субъекта.

С точки зрения психологии, мотивация представлена как система стимулов, мотивов, что предопределяет механическое рассмотрение действий установок и потребностей. С точки зрения социальной философии, механизм формирования мотивации более сложный и неоднозначный, в связи с чем ее изучение обусловлено не столько тем, чтобы извлечь из актуализации каждой потребности и формирования каждой цели выгоду, а сколько научиться грамотно мотивировать свои поступки с точки зрения морально-этической и культурной составляющей.

Психология изучает мотивацию деятельности как необходимый момент человеческого поведения (сознание как регулятивный механизм), поэтому основная задача психологии определить побудительно-идеальные факторы человеческой деятельности: когнитивные (познавательные), ценностные, проектные, реактивные. Однако психология данной задачи не решает, поскольку указанные механизмы рассматриваются с позиции субъективизма, и общая картина действия не обнаруживается, поэтому социальная теория активно этим занимается.

Если в русле социально-философской теории проблема мотивации связана с качественной определенностью детерминанта деятельности – потребность или нужда,

желание в зависимости от принадлежности к материалистическому или идеалистическому направлению, то в русле психологии парадоксальным выглядит противоречивость концептуальных позиций. Фундаментальное изучение психологии мотивации с учетом современных тенденций принадлежит ученым, представляющих научную школу факультета психологии МГУ, которые результаты своего исследования опубликовали в виде монографии в 2002 г. Другое исследование, посвященное мотивации и ее составляющих элементов, публикует питерский ученый-психолог И.П. Ильин с последующей доработкой и переизданием в 2008 и 2011 гг.

Недостаток психологического подхода к анализу сознания, да и деятельности вообще, связан с узкой направленностью в решении данной проблемы, что проявляется в изучении отдельных механизмов деятельности, в связи с чем сложно выстроить целостную картину взаимосвязей в структуре деятельности. Подобная тенденция свойственна как европейской психологической традиции, что отмечает Ж. Нюттен, указывая на общий недостаток учебников по введению в психологию – раздробленное знакомство с такими темами, как ощущение, движение, восприятие, эмоции, мотивация в разной последовательности, тем самым, на его взгляд, разрушая представление о поведении как о сложном интегрированном феномене [10, с. 43–44]; так и российской психологической традиции, что отмечает один из отечественных теоретиков мотивации Д.А. Леонтьев: «То, что представляет собой современная психология мотивации, трудно представить как целое в силу ее раздробленности, а также в силу того, что в ней сочетаются (как и в самой мотивации) как тенденции направленные в перспективу будущего, так и тенденции, отражающие опыт прошлого» [13, с. 8]. Одной из причин теоретической раздробленности и несогласованности в психологии относительно мотивации, да и деятельности в целом связано с изначальной интерпретацией деятельностного процесса, принадлежащей И.М. Сеченову, который впервые в психологии ввел понятие «акт жизнедеятельности» и определил его как цельный натуральный процесс, синтезирующий в себе физиологическое и духовное начало в человеке. Кроме того, психологическое содержание (момент, компонент) деятельности представляет собой проблему, имеющую разные варианты решения даже у представителей одной научной школы. По мнению В.П. Зинченко, данный факт не является случайным, поскольку «психологическое содержание деятельности не извлекалось из нее, а искусственно вводилось... Стратегия изучения действия была совершенно иной. Его когнитивные, оценочные, рефлексивные, аффективные компоненты выявлялись в нем самом, извлекались из него, а не вводились извне» [3, с. 66–89]. В результате намечается регресс от объективного решения вопроса к искусственному надстраиванию индивидуальных вариантов структуры деятельностного процесса. Например, А.И. Кравченко элементами деятельности полагает цели, потребности, действия; А.Н. Леонтьев соотносит деятельность с мотивом; В.В. Давыдов связывает деятельность с потребностью-нуждой; С.Л. Рубинштейн рассматривает деятельность как сознание – итог – единство сознания и деятельности и т.д. Между тем психологи постоянно пытались и пытаются доказать первичность внутренних процессов по отношению ко внешним. Это относится к теории интериоризации, разработанной С.Л. Рубинштейном, Б.М. Тепловым и продолженной А.В. Брушлинским и др., которые доказали наличие простейших психических явлений во внутриутробном периоде его развития и имеющих генетическую и наследственную предопределенность. Так А.В. Брушлинский указывал на факт того, что общее направление психического развития в онтогенезе – не от (только) внешнего к внутреннему, а всегда на основе непрерывного взаимодействия внешнего и внутреннего» [1, с. 92].

Таким образом, общая проблема психологического подхода к анализу потребности и структуры мотивации заключается в том, что, имея возможность осуществления экспериментальных исследований, не формируют единую базовую методологию относительно изучения деятельности как целостного механизма, что субъективизирует результаты проводимых экспериментов. В частности, как отмечает Р. Эммонс, в психологии личности современные исследования подразделяются на два подхода: подход диспозиционной ориентации, направленный на то, что есть личность, и когни-

тивно-мотивационный подход, ориентированный на то, что делает личность (стратегии, схемы, задачи, цели). При этом примечательной особенностью современных исследований является изучение не столько структуры мотивации, сколько той части мотивационных механизмов, которые применимы в отдельной сфере жизни человека. Это либо мотивация трудовой деятельности в различных отраслях производства, мотивация в работе по подбору персонала, мотивация в процессе взаимоотношений в рабочем коллективе. Причина развития подобных тенденций связана с интерпретацией понятия «сознания», являющегося основой мотивации, а именно: современные философы, говоря о сознании, как правило, имеют в виду весь внутренний мир человека, в то время как в психологии понятие сознания указывает лишь на один из уровней психики [15, с. 17]. Например, один из ведущих психологов Л.С. Выготский, изучая структуру высших психических функций, не конкретизирует свою позицию относительно роли сознания в человеческой деятельности, называя сознание то генетической, то функциональной системой. Так, Б.Г. Мещеряков отмечает, что это связано с попыткой передать многообразие решений задач: «Во-первых, общие термины и понятия выявляются в генетическом и функциональном разделах... "осознание", "овладение", "интеллектуализация" трактуются Л.С. Выготским как генетические процессы, то как процессы функционирования. Во-вторых, есть общие и взаимосвязанные понятия в генетическом и анализе сформированных структур... понятие замещения функций выражает и факт структурного разнообразия способов решения одинаковых задач...» [8, с. 7].

Мотивация всегда соприкасается с таким понятием как качество; сознание дает нам целенаправленную деятельность. С.Б. Каверин отмечает: «уникальность и неповторимость личности определяется не ассортиментом потребностей, а качеством удовлетворения абсолютно одинакового для всех людей набора базовых потребностей. Людей отличают друг от друга не потребности, а мотивация» [6, с. 41]. Подобная позиция лишает возможности многих ученых представить общую картину деятельностного процесса, включая механизм детерминации. Например, если рассматривать стадию мотивации как первопричину человеческой деятельности, то вряд ли можно выявить закономерность источника действия в связи с тем, что формирование мотивов, степень осознания тех или иных потребностей субъективно по своей сути и является проявлением многогранности сознания.

Если не учитывать всю структуру социальной деятельности, не различать потребность и мотивацию, то в итоге те или иные результаты исследования будут искусственными, лишены объективности. Поэтому в этой связи следует учитывать, что мотивация – это побудительный идеальный фактор деятельности, тогда как потребность – это единственный материальный фактор деятельности.

Следует отметить, что в последние несколько лет я пыталась отойти от позиции, согласно которой потребность рассматривается как материальный детерминант деятельности, тем самым убеждая себя в том, как и многие современные исследователи, что процесс реализации потребности гораздо важнее. Однако, в ходе дальнейшего исследования, изучая достижения направлений современной психологии, снова вернулась к первоначальной точке зрения, поскольку, как показывает практика, мы все же имеем определенный набор потребностей, актуализация, вектор направления, избирательность которых – это результат развития познавательных способностей (наше сознание). Первоначально на подобную мысль меня натолкнули исследования Л.С. Выготского, К. Бюллера, С.Л. Рубинштейна, Е.П. Ильина и др., уделявшие огромное внимание анализу поведения детей с первых лет жизни. Эволюция мотивированности действий ребенка очевидна.

Другое дело, когда мы, как говорится, не можем жить в ладу с собой и находимся в состоянии самообмана, когда мы боимся в своих желаниях признать очевидное, намеренно изолируя себя от себя. На данный аспект обращал внимание Ж.П. Сартр, полагая, что каждый человек склонен к самообману, т.е. неверно понимает, интерпретирует свои желания: «Сознание скрывает в своем бытии постоянный риск самообмана» [12, с. 62].

В связи с этим я полагаю, что в последние годы наблюдается постепенный возврат от личностных концепций мотивации к сочетанию естественно-биологического и личностного подходов. Именно синтез данных направлений и позволит идти дальше в развитии понимания процесса мотивации, поскольку, как было доказано американскими психологами и развито австрийским психологом Арндт Трайдлом и его последователями, что нейронная активность начинается в лимбической системе мозга, но осознается не сразу. Исследование первичных реакций организма посредством магнитно-резонансного сканирования головного мозга дало возможность определять потребности людей еще до того, как они осознаются самими людьми. Система построена таким образом, чтобы предупредить желания человека. Подобные исследования получили развитие в сфере продаж и сейчас носят название «нейромаркетинг», изучающее в настоящее время произвольные реакции человека на атрибуты магазина. В ходе исследований Арндт Трайдл пришел к выводу о том, что «все наши психические процессы подсознательно обрабатываются на нескольких уровнях мозга. Мы не можем намеренно повлиять на них, пока они не достигнут порога сознания (нашего сознательного «Я»). В процессе восприятия окружающего мира мы физически «прощупываем» его сенсорными аппаратами всех органов чувств. Таким образом, внешнему раздражителю нужно от 200 до 500 миллисекунд (мс), прежде чем мы осознаем его как картинку, звук, давление или запах» [11, с. 14].

Исходя из потребностей как детерминантов деятельности проще анализировать поведение субъектов и приводить соответствие с конкретной ситуацией. Человек должен уметь себя услышать и понять свои желания, а это тоже работа. Осознанные потребности определяют направление нашей деятельности, формируют мотивы и являются стимулами для ее осуществления. Важным звеном в данной цепочке является этап целеполагания. Когда человек осознает потребность, то ставит перед собой необходимую цель и анализирует условия для ее реализации. Целеполагание инициирует проектное сознание, т.е. цель выступает как технология действия. Постановка целей у человека отлична от целей, к которым стремятся животные, поскольку если животным свойственны объективные цели, диктуемые их природной сущностью, в связи с чем животные не способны осмысливать цели, то человеку присущи субъективные цели, связанные непосредственно с индивидуальностью и человеческой неповторимостью, диктуемые сознательным поведением субъекта. Фактически, целеполагание является неким конструктом, формирующим идеальную форму деятельности. Как отмечает А.А. Сорокин, идеальная форма деятельности, перед которой стоит задача создания принципиально нового, ранее никогда не существовавшего предмета, нужного человеку, строится в соответствии с объективным смыслом, содержательной определенностью самой объективной потребности, способную по своему характеру и устройству служить средством решения стоящей перед ним жизненной проблемы [14, с. 86]. Целеполагание дает возможность субъекту спрогнозировать заранее желаемый результат согласно специфике реальных взаимосвязей человека с окружающей действительностью. В этой связи Н.С. Злобин указывает на то, что целеполагание есть выход за пределы ограничения, определяемые естественной необходимостью, равно как и преодоление ограниченности уже известных, выявленных и в этом смысле устойчивых связей объекта. Указанные факты представляют возможным выступать человеку как системообразующим элементом «исторической природы», «полагая самого себя, свое развитие в качестве опосредующего звена, связывающего природные объекты, человек выступает» [4, с. 119], поскольку благодаря сознанию человек способен создавать собственную реальность, давать многогранную оценку происходящим событиям. Эпоха потребительства, в которой мы существуем, навязывает нам определенные стереотипы, заставляя утрачивать способность к целеполаганию. Проблема неверного выбора линий поведения связана с тем, что мы зачастую средства достижения цели определяем как цели, либо для ряда субъектов задумываться над целями считается нецелесообразным, ограничивая свои действия реализацией сиюминутных желаний. Неслучайно сейчас большое внимание уделяется такому понятию, как «клиповое сознание».

Кроме того, особое значение в определении качества деятельности играет постановка целей, являющихся отражением желаний и стремлений субъекта. В частности, Дж. Локк предположил, что постановка целей – познавательный процесс, имеющий практическую полезность. Его точка зрения состоит в том, что индивидуальные сознательные цели и намерения – первые детерминанты поведения. Таким образом, «одна из обычно отмечаемых характеристик намеренного поведения – стремление сохранить его до тех пор, пока цель не будет полностью достигнута» [7, с. 137–138]. Когда человек осуществляет какой-либо вид деятельности, он продолжает заниматься этим до тех пор, пока цель не будет достигнута. Намерение играет большую роль в теории постановки целей. Кроме того, теория делает специальный акцент на важности сознательных целей в объяснении мотивированного поведения. Локк употребил понятия намерений и сознательных целей, чтобы предложить и исследовать тезис о том, что более серьезные сознательные цели приводят к более высоким уровням производительности, но при условии, если эти цели восприняты личностью. Он понимал, что люди стремятся достичь цели для удовлетворения своих эмоций или желаний. Цели придают направленный характер человеческому поведению и ориентируют мысли и действия человека на достижение определенного результата. В дальнейшем индивидум реагирует и действует в соответствии с этими намерениями или целями, даже если они не достигаются. Результатом реакций являются последствия, обратная связь или подкрепление. Современная психология, согласно Р. Эммонсу, приводит свидетельства, доказывающие наличие во всех живых системах базовой тенденции стремления к цели и на основании данного факта рассматривает процесс целеполагания как биологический и психологический императив [15, с. 36–37]. В частности, представители эволюционного подхода (Е. Клингер, Д.М. Басс, К. Мак-Доналд) рассматривают цель как фундаментальное свойство живых организмов, в связи с чем нередко выдвигается гипотеза о наличии у человека автогенерируемой «интеллектуальной» деятельности, которая проявляется при решении мыслительных задач. Например, Д.М. Басс предполагает, что эволюционный анализ может привести к открытиям в области видо-типических целевых систем, которые в будущем смогут определить общие основания в разнообразии человеческих стремлений [16, с. 5–12]. При этом следует обратить внимание на тот факт, что целевая и волевая стадии развития деятельности напрямую зависят от уровня духовного развития личности. Наиболее объективным для нас представляется позиция, согласно которой идеально-регулятивная подсистема человеческого действия включает четыре вида компонентов, которые выступают внутренними факторами действия: рефлексивные (когнитивные), ценностные, проектные, реактивные. При этом образуется система трех понятий: стимул – мотив – цель, где предполагается сначала вопрос: что я хочу? – это рефлексия стимула; мотив – почему я это хочу?, цель осуществляет осмысление – зачем я это хочу?

Иначе говоря, субъект выступает контролирующим элементом социального действия, поскольку благодаря сознанию человек способен создавать собственную реальность, давать многогранную оценку происходящим событиям. При этом информационные механизмы представляют собой сложный психический аппарат, который должен быть сбалансирован. Стремление к поддержанию этого состояния может быть рассмотрено как потребность, которая, в свою очередь, является родовой категорией и в силу этого определяется стабильным количеством, присущим каждому субъекту без исключения. Однако одна и та же потребность может иметь разные линии удовлетворения, которые формируются и получают свое развитие на уровне мотивационной стадии деятельностного процесса. Фактически, субъект в своей деятельности ориентируется, в большей степени, на механизм развития потребности, а не на потребность как таковую. Ж. Нюттен обращает внимание на тот факт, что ощущения являются источником информации (болит живот от голода), но определенное значение в этом смысле играет контекст ситуации (процесс голодовки как способ доказать свою правоту и т.д.) [10, с. 53].

В психологии, равно как и в философии, представления о человеке, о мотивации его поведения определялись такими понятиями, как сознание, самосознание, жела-

ние, нужда, – все это связано с сущностной интерпретацией «Я». Однако выходит так, что тенденции социального представления «Я» и у философов, и у психологов развиваются параллельно, но в психологии несколько позже, что свидетельствует о том, что философская интерпретация становится базовой и определяющей в получении и анализе измерительного материала в психологии. При этом данный процесс осуществляется не в одностороннем порядке, многие из результатов исследований психологов и социологов дают повод для размышления философам.

Перспективы социально-философского исследования с точки зрения субстанционально-деятельностной теории в изучении феномена мотивации представлены в следующем.

1. Применение понятия «сознания» в исследовании мотивации, рассматривая его как базовую основу ее формирования, а также как источник качественного наполнения мотивационных механизмов в силу того, что сознание, обеспечивая человеку способность к абстрактному мышлению, умозаключению, прогнозу, осуществляет конкретную целепостановку и варианты ее реализации. В отличие, в частности, от современной психологии, которая все реже использует в своих исследованиях данное понятие, считая его слишком абстрактным и чисто философским, тем самым лишая основания для целостного восприятия мотивационного процесса. Однако подобное отношение психологов к сознанию не мешает им прибегать к использованию понятия «сознание» в таких сочетаниях, как «сознательное действие», «познавательный процесс», «сознательное поведение» и т.д.

2. Целостное восприятие и анализ проблемы мотивации, синтезируя и сопоставляя достижения представителей социально-гуманитарных научных направлений от древних времен до наших дней. Посредством разграничения особенностей философского, психологического и социологического подходов предоставляется возможность определить объективный взгляд на сущность мотивации в социальной деятельности.

3. Последовательное структурирование мотивации, представляя ее как систему динамичных механизмов деятельности субъекта с учетом специфики взаимосвязи ее стадий, которые детерминированы потребностью: потребность – стимул – желание – мотивы – цель. Тогда как в психологии проблема заключается в том, что даже в рамках одного направления (например, когнитивная, аналитическая, личностная, либо общая психология), которое, по сути, должно представлять единую концепцию, наблюдается противоречие позиций относительно детерминационной роли мотивации и последовательности реализации мотивационных механизмов. Границы социально-философского анализа мотивации обнаруживаются в том, что методы исследования не предполагают непосредственное использование измерительного материала и экспериментирования, в связи с чем возникает вопрос – может быть возникшую необходимость следует реализовать в угоду прикладным дисциплинам или продолжать стойко отстаивать ценность философских и методологических основ.

Список литературы

1. Брушлинский А. В. Деятельностный подход и психологическая наука / А. В. Брушлинский // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 89–95.
2. Буюва Л. П. Человек: деятельность и общение / Л. П. Буюва. – М. : Мысль, 1978. – 216 с.
3. Зинченко В. П. Психологическая теория деятельности / В. П. Зинченко // Вопросы философии. – 2001. – № 2. – С. 66–89.
4. Злобин Н. С. Деятельность – труд – культура / Н. С. Злобин // Деятельность: теории, методология, проблемы. – М. : Политиздат, 1990. – С. 111–128.
5. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2011. – 512 с.
6. Каверин С. Б. Психология потребности : учеб.-метод. пос. / С. Б. Каверин. – Тамбов : Изд-во Тамбов. ун-та, 1996. – 80 с.
7. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. – М. : Мысль, 1985. – Т. 1. – 582 с.
8. Мещеряков Б. Г. Логико-семантический анализ концепции Л.С. Выготского: систематика форм поведения и законы развития высших психических функций / Б. Г. Мещеряков // Вопросы психологии. – 1999. – № 4. – С. 7–14.
9. Момджян К. Х. Введение в социальную философию / К. Х. Момджян. – М. : Университет, 1997. – 448 с.

10. Нюттен Ж. Мотивация, действия и перспектива будущего / Ж. Нюттен ; под ред. Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2004. – 608 с.
11. Трайдл А. Нейромаркетинг. Визуализация эмоций / А. Трайдл. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. – 128 с.
12. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж. П. Сартр ; пер. с фр., предисл., примеч. В. И. Колядко. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
13. Современная психология мотивации / под ред. Д. А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2002. – 343 с.
14. Сорокин А. А. Идеальное, творчество и развитие человека / А. А. Сорокин // Вопросы философии. – 2009. – № 6. – С. 82–92.
15. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность / Р. Эммонс. – М. : Смысл, 2004. – 416 с.
16. Buss D. M. Evolutionary psychology: A new paradigm for psychological science / D. M. Buss // Psychological Inquiry. – № 6. – P. 1–30.

ПЛАТОН И КУЛЬТУРА В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

Л.Я. Подвойский
(Россия, Астрахань)

В статье рассматривается соотношение двух констант «Платон» и «культура». Подчеркивается важное значение философии Платона, пронизывающей как мировую философию, так и мировую культуру. Замечено, что человек давно живет не только в пространстве природы, но и в пространстве культуры. Обращено внимание на то, что без решения вопроса о соотношении идеального и реального нельзя создать онтологию культуры. Представлены ряд научных определений культуры, а также авторское определение-метафора культуры. Особое внимание уделено подходу В.С. Степина, выделяющему понятие «универсалии культуры», наряду с понятием «культура». Раскрыто соотношение понятий «культура» и «пайдейя».

The article studies the relation of two constants – “Plato” and “culture”. The author emphasizes the great significance of Plato's philosophy, which penetrates into the world philosophy and the world culture. The article marks that people have been living not only in the space of nature, but also in the space of culture. It also says that it is impossible to create the ontology of culture without solving the issue on the balance between the ideal and the real. The author quotes a number of scientific definitions of culture and gives his own definition-metaphor of culture. Much attention is paid to V.S. Stypin's approach that distinguishes besides the notion of “culture” and “universals of culture”. The author discloses the notions of “culture” and “paideia”.

Ключевые слова: Платон, культура, философия, язык, понятия, категории, пайдейя, онтология культуры, универсалии культуры.

Key words: Plato, culture, philosophy, language, notions, categories, paideia, ontology of culture, universals of culture.

Проблема культуры во всех ее аспектах является одной из «вечных» проблем философии, хотя бы потому, что человека всегда интересовали и будут интересовать вопросы отношения к миру, к другим людям, к себе самому, вопросы творческого духа и созидательной деятельности. Культура не только создается людьми, но она и создает человека, делает его Человеком. В мировой философской культуре есть такие личности, вклад которых в решение этих вопросов невозможно переоценить и без которых ее невозможно представить. Одной из таких знаковых личностей, безусловно, является великий Платон.

Драматург Н. Эрдман как-то высказал интересную мысль о том, что «мы знаем классику гораздо лучше, чем сами думаем. Она в нас живет...» [17, с. 206]. По аналогии с этой мыслью, можно совершенно определенно утверждать, в крайнем случае, смело предположить, что *мы знаем Платона гораздо лучше, чем сами думаем. Он в нас живет.* Причем, речь в данном случае может идти не только о специалистах – философах, филологах, историках, политологах, культурологах и т.д. Платон живет в нас всех, независимо от образования, рода занятий, языка, на котором мы думаем и говорим и т.п. Не случайно Цицерон в работе «Тускуланские беседы» писал, что Панней, впервые оценивший в Платоне философа, назвал его «Гомером философов».

Как справедливо замечает А.Ф. Лосев, один из крупнейших в XX в. из отечественных исследователей философии античности в целом и Платона, в частности, «имя